

*Пазюк А.В.**

ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА КАК КОМПЛЕКСНОЙ ОТРАСЛИ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье речь идет о международном информационном праве как комплексной отрасли современного международного права, а также о роли международно-правовых норм в регулировании трансграничных информационных отношений.

Ключевые слова: информационная сфера, трансграничная передача информации, международно-правовые информационные отношения, международное информационное право.

У статті йдеться про міжнародне інформаційне право як комплексну галузь сучасного міжнародного права, а також про роль міжнародно-правових норм в регулюванні транскордонних інформаційних відносин.

Ключові слова: інформаційна сфера, транскордонна передача інформації, міжнародно-правові інформаційні відносини, міжнародне інформаційне право.

The article is devoted to the role of the international law in the regulation of transborder information flows and the concept of the international information law as a complex body of international norms with the specific object of regulation.

Key words: information sphere, transborder information flows, international information relations, international information law

Постановка проблемы. Эволюция человечества сопровождается развитием информационной сферы, а состояние ее развития определяет уровень развитости цивилизации, всего мирового сообщества, континентов, регионов или отдельно взятых стран. Информационная сфера оказывает значительное влияние на жизнедеятельность, как людей, так и всей биосферы на нашей планете.

Согласно учению всемирно известного ученого В. И. Вернадского (1863-1945) о ноосфере, происходит поэтапный переход «биосферы» в «ноосферу». К таким этапам он относит «техносферу», «энергосферу» и «инфосферу», в последней из которых, главную роль играют информация и информационные технологии [1]. «Этот процесс – полного заселения биосферы человеком – обусловлен ходом истории научной мысли, неразрывно связан со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, ее одновременного обсуждения всюду на планете» [2].

Современное понимание информационной сферы напрямую связывают с концепцией информационного общества – «постиндустриального общества как исторической фазы развития цивилизации, в которой информация и знания умножаются в едином информационном пространстве. Главными продуктами производства информационного общества становятся информация и знания» [3].

* кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Информационная сфера как развивающаяся система общественных информационных отношений, осуществляемых субъектами права независимо от расстояний между ними и национальных границ, посредством глобальной информационной инфраструктуры, исторически сформировалась и продолжает развиваться на открытой экстерриториальной основе, и по указанным свойствам не может регулироваться исключительно внутригосударственным правом одной или нескольких стран.

Целью настоящей статьи является определение роли международного права в регулировании международных информационных отношений, а задачей – дать определение понятиям «международно-правовые информационные отношения» и «международное информационное право».

В одной из немногих научных работ советского периода по вопросам международно-правового регулирования информационных отношений, в 1974 году Ю. М. Колосов отмечает: «даже информация, которая распространяется государством среди своего населения, иногда может влиять на международные отношения и вследствие этого, не всегда сугубо внутренним делом этого государства. Поскольку по своей природе массовая информация неизбежно вмешивается в сферу межгосударственных отношений, было бы оправданно закрепить в международном праве принцип, согласно которому международную ответственность за всю национальную деятельность в области массовой информации ... несут государства» [4].

В этой связи возникает противоречие между интересами государства осуществлять суверенное право на регулирование общественных информационных отношений в рамках внутригосударственной информационной инфраструктуры и интересами остального мирового сообщества в развитии информационной сферы на основании глобальной информационной инфраструктуры. Именно этот фактор, по нашему мнению, является определяющим в развитии международно-правового регулирования информационной сферы.

Несколько в ином ракурсе рассматривается роль международно-правового регулирования информационных отношений в современном учебнике международного права под редакцией Ю. М. Колосова, Э. С. Кривчиковой: «Массовая информация является важным средством формирования национального и международного общественного мнения, неотъемлемым компонентом внутригосударственной и внешней политики. Использование средств массовой информации в международном масштабе неразрывно связано с идеологической борьбой ... идеологическая борьба, соревнование идей не должны переходить в политическую конфронтацию. Этому и должно способствовать, в частности, международное право» [5, с. 488-489]. Не уменьшая роли международного права в формировании мирового общественного мнения, на наш взгляд, важно не забывать о его основных функциях – регуляторной, направленной на упорядочивание международных информационных обменов, и охранительной – по поддержанию международного информационного правопорядка.

В научной литературе отсутствует единообразное понимание предмета международного информационного права, а сам термин не является устоявшимся. Однако это никоим образом не уменьшает важность его теоретического осмысления, а практическое значение дискуссии по этому вопросу определяется, среди прочего, потребностями его преподавания как учебной дисциплины. В меньшей степени можно говорить о кодификации международного информационного права, что в принципе представляется маловероятным в ближайшей перспективе, вследствие особенностей этой динамично развивающейся комплексной отрасли международного права. Вопрос о наличии достаточных свойств, для признания за совокупностью международно-правовых норм в этой сфере статуса отрасли, имеет скорее общетеоретическое, чем практическое значение.

До недавнего времени, информационное право не признавалось учеными-правоведами самостоятельной отраслью права в рамках внутригосударственного права. История вопроса уходит своими корнями в дискуссию о систематизации права и, так называемой, «комплекс-

ной отрасли» права, которая довольно активно велась еще в советской правовой науке. Впервые предложенная в работах В. К. Райхер [6, с. 189-190] концепция разделения отраслей права на основные и комплексные была в целом позитивно воспринята советской правовой наукой, несмотря на критику сторонников противоположного подхода, которые указывали, что такой путь приведет к появлению «трамвайно-троллейбусного, банно-прачечного и бакалейно-гастрономического» права [7, с. 112].

Дальнейшее развитие эта теория получила в работах А. А. Красавчикова [8, с. 64-65] и С. С. Алексеева [9, с. 44-46]. Алексеев С. С. предложил рассматривать систему права как образующую тремя типами отраслей – профилирующими, специальными и комплексными отраслями. Определяя особенности «конструирования» комплексной отрасли, указанный ученый отмечает, что «юридические нормы, входящие в комплексные образования, остаются по своим исходным моментам в главной структуре, в основных отраслях, и на них распространяются общие положения соответствующих основных отраслей. Во вторичную структуру они входят, все время, будучи нормами, например, гражданского, уголовного, административного, трудового права» [10, с. 110].

По мнению Городова О. А., «информационное право как комплексная отрасль, объединяющая в предметной области регулирования однородную группу общественных отношений, тесно взаимодействует с профилирующими отраслями права, и прежде всего, конституционным, гражданским и административным правом». При этом, указанный автор отмечает, что «однородность групп общественных отношений, образующих предметную область информационного права, весьма относительна. Их объединяет лишь то, что в качестве объекта данных отношений выступают информация и/или производные от нее продукты, например, информационные ресурсы» [11, с. 31-41].

Аналогичного мнения придерживается А. И. Марущак: «комплексный характер этой отрасли обуславливается, прежде всего, законодательной практикой, согласно которой информационные нормы вовлекаются в традиционные отрасли права, в первую очередь, конституционного, административного и гражданского» [12, с. 88].

Иной точки зрения придерживается коллектив украинских авторов учебника по информационному праву в составе В. С. Цымбалука, В. Д. Павловского, В. В. Грищенко. Рассматривая концептуальные подходы к формированию содержания информационного права, они указывают, что информационное право является не отраслью, а межотраслевым комплексным институтом: «В каждой ведущей отрасли права есть условно определенный отраслевой институт, который на межотраслевом уровне создает новое явление – межотраслевой комплексный институт права»; и далее, «информационное право тесно переплетается с другими межотраслевыми комплексными институтами: правом собственности и его составляющей – правом интеллектуальной собственности; патентным правом на интеллектуальную промышленную собственность; авторским правом, в частности» [13, с. 31-56]. В указанном исследовании не указывается, какая же отрасль права, по мнению его авторов, является для информационного права ведущей. Позволим себе предположить, что «ведущей» отраслью для регулирования информационных отношений является именно информационное право, которое связано в рамках системы права с другими его отраслями, ибо без таких межотраслевых связей любая система права не могла бы выполнять свою регуляторную функцию, и отвечать потребностям развития общественных отношений, особенно в информационной сфере.

На сегодняшнем этапе, дискуссию о признании за информационным правом отраслевого статуса в рамках внутригосударственной системы права можно считать исчерпавшей свою актуальность. Об этом, в частности, свидетельствует его включение в номенклатуру научных специальностей в Украине под шифром «12.00.07 Теория управления; административное право и процесс; финансовое право; информационное право», для примера, в Российской Федерации – «12.00.14 «Административное право. Финансовое право. Информационное право».

В тоже время обсуждение отраслевого статуса международного информационного права, в среде как отечественного, так и зарубежного научного сообщества, еще находится на начальном уровне, что определенным образом отражает исторически сложившееся «запаздывание» международно-правового регулирования по сравнению с внутригосударственным правом.

Отсутствие единых подходов определяется также неоднородностью структуры международного информационного права, фрагментарностью правового регулирования и отсутствием единообразной терминологии. Среди множества названий, наряду с «международным информационным правом» [14], можно также встретить уже упомянутое «международное право массовой информации» [15, с. 488-489], «международное право Интернета» (International Internet Law – англ.) [16], «международное телекоммуникационное право» (International Telecommunications Law – англ.) [17]; «международное медийное право» (International Media Law – англ.) [18]; а также «международные режимы информационно-коммуникационных технологий» (International Regimes for Information and Communication Technologies – англ.) [19] и «международные режимы и информационная инфраструктура» (International Regimes and Information Infrastructure – англ.) [20] и т.п.

Кроме того, достаточно широкое распространение получил термин «кибер-право», который применяется к обозначению правового регулирования в специфической сфере информационных отношений в, так называемом, «киберпространстве», – виртуальной среде интерактивного (онлайнного общения) пользователей Интернета. Своей популярностью этот термин, среди прочего, обязан ставшей широко известной дискуссии о кибер-праве как самостоятельной учебной дисциплине. В 1996 году на юридическом форуме Чикагского университета судья Верховного Суда США Ф. Истербрук, ссылаясь на меткую формулировку Г. Каспера «лошадиное право», выступил с докладом, в котором аргументировал против признания «кибер-права» как отдельного предмета для юридического обучения: «...лучшим способом изучить право применимое к специфическим отношениям является изучение общих правил» [21]. Позицию Ф. Истербрука оспорил профессор Гарвардской школы права Л. Лессиг в 1997 году, аргументируя, что правовые представления и правила должны развиваться вместе с развитием и проникновением информационной среды [22].

Как видно из указанных терминов, все они являются семантически близкими, направлены на определение роли тех или иных субъектов, объектов и ресурсов, которые входят в информационную сферу, будь то средства массовой информации, телекоммуникационные сети, виртуальное пространство на основе Интернета или какие-либо другие элементы современной информационной инфраструктуры. Можно согласиться с мнением Копылова В. А., который акцентирует внимание на необходимости комплексного изучения информационной сферы: «Если в качестве предметов правового регулирования этой отрасли права рассматривать не только отношения по поводу отдельных перечисленных выше объектов, а всю совокупность отношений в информационной сфере, охватывающих весь цикл обращения информации (создание информации, преобразование информации, передача и распространение информации, в том числе и средствами связи и телекоммуникаций, потребление информации и, замыкая цикл, снова создание информации), то, вероятно, правильно было бы называть эту развивающуюся отрасль права именно «информационным правом», а указанные выше термины рассматривать как термины, обозначающие составные или обеспечивающие части (подотрасли, институты) информационного права» [23, с. 85-86].

Нормы, регламентирующие международные информационные отношения, очень часто инкорпорированы в структуру международно-правовых договоров, где выполняют инструментальную роль, обеспечивая международное сотрудничество и реализацию норм международного права.

В качестве примера можно сослаться на Рекомендации по повышению эффективности использования электронных средств информации для обеспечения доступа общественности

к экологической информации, принятые на втором совещании сторон Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, состоявшемся в Алма-Ате, Казахстан, в мае 2005 года. В частности, было определено в качестве задачи общей политики – «формулировать и осуществлять национальные стратегии «электронного управления» по применению электронных средств с целью упрощения административных процессов и услуг, придания большей транспарентности процессу государственного управления и повышения его эффективности в плане распространения имеющейся экологической информации и рассмотрения запросов общественности о предоставлении такой информации» [24]. Также был предложен, так называемый, «информационно-координационный механизм», который включает в себя:

- поддержание национального вебсайта, содержащего информацию, относящуюся к осуществлению Конвенции на общенациональном уровне, который будет выполнять функцию национального узла информационно-координационного механизма Конвенции (п. 19);

- назначение контактных пунктов, ответственных за сбор, обработку и обновление информации, содержащейся в национальном узле, и за предоставление необходимой информации в центральный узел информационно-координационного механизма Конвенции, а также взятия обязательства по распространению информации об информационно-координационном механизме среди общественности (п. 20);

- расширение возможности государственных должностных лиц, занимающихся обработкой и обновлением информации, поступающей в национальный узел, и наращивание потенциала в области предоставления необходимой информации в центральный узел информационно-координационного механизма (п. 21).

Указанная инструментальная роль информационных норм не может быть случайной в современном международном праве, поскольку предопределена их «коммуникационными» свойствами, – выступать неким связующим элементом, как на уровне межгосударственного сотрудничества, так и определять процессуальные формы глобального (информационного) сотрудничества во многих актуальных вопросах современной повестки дня мирового сообщества.

Более радикальной точки зрения в отношении роли международного информационного права придерживается российская ученоя Т. Смылова. По ее мнению, международно-правовое регулирование выходит за рамки международного информационного обмена и охватывает также отношения в рамках информационного пространства отдельного государства. Исходя из этого, Смыловой предлагается такое определение международного информационного права: «международное информационное право – совокупность правовых норм, регулирующих, с одной стороны, информационно-правовые отношения между государствами мирового сообщества, а с другой – совокупность норм поведения средств массовой информации в целом и журналиста в отдельности в рамках информационного пространства отдельного государства» [25].

Нам представляется, что указанный подход является некорректным, направленным на распространение непосредственного действия международно-правовых норм на отношения между субъектами внутригосударственного права. При этом использование формулировки «в рамках информационного пространства отдельного государства» не добавляет нормативной определенности предмету регулирования и не отражает такую специфику действия норм международного информационного права, как их трансграничный характер, вызванный наднациональной экстерриториальной природой информационной сферы. Также указанное определение не учитывает субъектный состав международных информационных отношений. К числу субъектов международного информационного права как отрасли международного публичного права относятся государства, международные межправительственные организации, народы и нации, борющиеся за свою независимость и квазигосударственные объединения.

Отнесение к субъектам международного информационного права субъектов внутригосударственного права разных государств, – физических или юридических лиц, которые принимают участие в трансграничном информационном обмене, является некорректным. Вместе с тем, не следует отрицать регуляторного опосредованного влияния международного информационного права на поведение указанных субъектов внутригосударственного права, особенно его общепризнанных норм-принципов (*jus cogens*), касающихся соблюдения и защиты информационных прав и свобод человека.

В частности, в Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, утвержденной Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1998 года, провозглашается, что каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, поощрять и стремиться защищать и осуществлять права человека и основные свободы на национальном и международном уровнях (Ст. 1). В целях поощрения и защиты прав человека и основных свобод каждый человек имеет право, индивидуально и совместно с другими, на национальном и международном уровнях: проводить мирные встречи или собрания; создавать неправительственные организации, ассоциации или группы, вступать в них и участвовать в их деятельности; поддерживать связь с неправительственными или межправительственными организациями (Ст. 5).

Процесс глобализации за последние десятилетия показал, что негосударственные субъекты, такие как транснациональные корпорации и другие частные организации, играют все более важную роль, как на международном уровне, так и на национальном и местном уровнях. Растущий охват и влияние коммерческих предприятий привели к дискуссии о роли и обязанности таких структур, связанных с правами человека. Вопрос о воздействии бизнес-структур на осуществление прав человека был включен в повестку дня Организации Объединенных Наций и в последние десять лет рассматривался с точки зрения изучения путей для корпоративных субъектов нести ответственность за влияние их деятельности на права человека.

Специальным представителем Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях, профессором Гарвардского университета Джоном Руги (John Ruggie) были подготовлены и представлены в 2011 году в виде доклада Совету по правам человека «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся защиты, соблюдения и средств правовой защиты» [26].

В Руководящих принципах на предприятия распространяется ответственность за соблюдение международно-признанных прав человека, под которыми понимаются, как минимум, права, закрепленные в Международном билле о правах человека (п. 12), а также возлагается обязанность «в любых условиях ... а) исполнять все действующие законы и соблюдать международно-признанные права человека независимо от места их деятельности; б) находить способы выполнения принципов международно-признанных прав человека в случаях, когда они сталкиваются с противоречивыми требованиями; с) относиться к риску совершения или содействия совершению грубых нарушений прав человека как к вопросу соблюдения правовых норм независимо от места их деятельности» (п. 23).

Руководящие принципы, единогласно одобренные Советом по правам человека в июне 2011 года, явились авторитетным источником по вопросам бизнеса и прав человека во всем мире. В частности, в своем новом руководстве для многонациональных предприятий, ОЭСР разработала отдельную главу по правам человека, основывающуюся на Руководящих принципах [27].

На Руководящие принципы также опираются в обсуждении вопроса о применении международно-признанных принципов в области прав и свобод человека, а именно – свободы

мнений и их выражений, в процессе делегирования новых gTLDs (англ. generic Top-Level Domain – общий домен верхнего уровня в Интернете) [28] как на инструмент политики ИКАНН, являющейся неприбыльной частной корпорацией, домицилированной в США [29]. Указанными примерами подтверждается весомое значение международного права для регулирования отношений, возникающих между иными, чем государства, субъектами в ходе трансграничного информационного взаимодействия.

Достаточно условно, существующая совокупность специальных международно-правовых норм в информационной сфере, подразделяется на две подотрасли, определяемые спецификой основных видов информационных отношений – непосредственно информационных, связанных с внутренним содержанием, иными словами «контентом» (англ. content – содержание, наполнение), и информационно-инфраструктурных, обеспечивающих обращение (коммуникацию) информационных ресурсов.

К первой части относятся отношения, направленные на регулирование информационного обмена независимо от применяемых коммуникационных средств. В частности, это нормы касающиеся: 1) обеспечения свободы информации как фундаментальной основы демократического общества, и ограничения распространения незаконной информации, 2) правового режима (защиты) персональных данных и их трансграничной передачи, 3) обеспечения культурного разнообразия, информационного обмена между народами и сохранения культурного наследия.

В дополнение к указанным основным институтам, входящим в подотрасль международно-правового регулирования контента, можно также добавить отдельные нормы, которые регулируют информационные обмены между государствами в рамках реализации всяческих иных международных отношений. Например, речь может идти о передаче информации между государствами в рамках оказания правовой помощи по гражданским и иным делам, а также международной борьбы с преступностью.

В свою очередь, нормы, определяющие и регулирующие трансграничную коммуникацию информации, применяемые технические средства и параметры, безопасность и в целом использование и поддержание функционирования глобальной информационной инфраструктуры, относятся к специфическому предмету правового регулирования в рамках обособленной подотрасли международного информационного права.

К этой подотрасли можно отнести нормы, определяющие институциональный механизм регулирования электросвязи, международно-правовой режим использования ограниченных информационно-коммуникационных ресурсов, таких как частотный спектр, геостационарная орбита, номерной ресурс, адресное пространство в интернете. Сюда же относятся нормы, определяющие развитие трансграничного цифрового теле-, радиовещания, а также вопросы международного сотрудничества по использованию телекоммуникационных ресурсов для борьбы со стихийными бедствиями. Отдельный институт составляют нормы, определяющие построение глобального информационного общества, управления критической информационной инфраструктурой и обеспечения ее защиты.

Выводы. На основании анализа теоретических подходов к пониманию предмета и роли современного международного информационного права, предлагается следующее определение международно-правовых информационных отношений. Международно-правовые информационные отношения – урегулированные нормами международного права межгосударственные отношения в информационной сфере, связанные с обращением информационных ресурсов в ходе международного сотрудничества, а также трансграничной передачей информационных ресурсов иными субъектами, чем государства.

Исходя из предложенного определения предмета международного информационного права (информационной сферы) и его объекта (международно-правовых информационных отношений), само понятие международного информационного права представляется сле-

дуючим: международное информационное право – система норм международного публичного права, которая регулирует международно-правовые отношения, осуществляемые в информационной сфере.

Предложенные определения не являются окончательными, а скорее, дискуссионными и требующими дополнительного обоснования. Автор будет признателен за комментарии и приглашает всех заинтересованных исследователей к продолжению научного обсуждения затронутых вопросов.

Список использованных источников

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление, Отв. ред. А. Л. Яншин, Москва: «Наука», 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.trypillya.kiev.ua/vernadskiy/noosf.htm>.
2. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. М., 1988.
3. Информационное общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Информационное_общество.
4. Массовая информация и международное право / Колосов Ю. М. – М.: Междунар. отношения, 1974.
5. Международное право: Учебник. Отв. Ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2003.
6. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. – М., 1947.
7. Галесник Л. С. О проблемах систематизации права // Сов. Государство и право. – 1957. – № 2.
8. Красавчиков А. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 64-65.
9. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
10. Алексеев С. С. Теория права. – М. 1993.
11. Городов О. А. Основы информационного права России: Учебное пособие. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
12. Марущак А. І. Інформаційне право: доступ до інформації: Навчальний посібник. – К.: КНТ, 2007.
13. Основы інформаційного права України: Навч. Посіб. / В. С. Цимбалюк, В. Д. Павловський, В. В. Грищенко та ін; За ред. М. Я. Швеця, Р. А. Калюжного та П. В. Мельника. – К.: Знання, 2004.
14. Международное информационное право: Методические материалы к междисциплинарному спецкурсу / Сост. Т. М. Смыслова. М.: СТЭНСИ, 2002. – 192 с.
15. Международное право: Учебник. Отв. Ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М.: Международные отношения, 2003.
16. Kulesza Joanna. International Internet Law. Routledge. – 2012. – 196 p.
17. International Telecommunications Law / Ed. Dennis Campbell . – 2011. – 1982 p.; Charles H. Kennedy, <http://www.amazon.com/Introduction-International-Telecommunications-Artech-Library/dp/0890068356> M. Veronica Pastor. An Introduction to International Telecommunications Law / Artech House Telecommunications Library. – 1996; Sharon K. Black. Telecommunications Law in the Internet Age / The Morgan Kaufmann Series in Networking. – 2001.
18. Perry Keller. European and International Media Law: Liberal Democracy, Trade, and the New Media. – 2011. – 536 p.

19. Jeffrey A. Hart. International Regimes for Information and Communication Technologies: Towards a New Research Agenda // Indiana University, International Studies Association, San Diego, March 22-25, 2006 [Electronic source]. – Access mode: <http://www.indiana.edu/~globalm/pdf/isa06.pdf>.
20. Miles D. Townes. International Regimes and Information Infrastructure // Stanford Journal of International Relations. – 2006 [Electronic source]. – Access mode: http://www.stanford.edu/group/sjir/1.2.07_townes.html.
21. Easterbrook, Frank H. Cyberspace and the Law of the Horse / University of Chicago Legal Forum. –1996.
22. Lessig, Lawrence. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach /Communications Law and Policy: Cases and Materials, by Jerry Kang. – New York: Aspen Law and Business. – 2001.
23. Копылов В.А. Информационное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2005.
24. Рекомендации по повышению эффективности использования электронных средств информации для обеспечения доступа общественности к экологической информации, Европейская Экономическая Комиссия, ЭКОСОС ООН, ECE/MP.PP/2005/2/Add.4. – 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unecsc.org/fileadmin/DAM/env/documents/2005/pp/ece/ece.mp.pp.2005.2.add.4.r.pdf>.
25. Международное информационное право: Методические материалы к междисциплинарному спецкурсу / Сост. Т.М. Смылова. – М.: СТЭНСЫ, 2002. – 192 с.
26. Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты» / A/HRC/17/31 [Electronic source]. – Access mode: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Business/A.HRC.17.31_ru.pdf.
27. OECD Guidelines for Multinational Enterprises – 2011 [Electronic source]. – Access mode: <http://www.oecd.org/daf/internationalinvestment/guidelinesformultinationalenterprises/48004323.pdf>.
28. Generic Top-Level Domain [Electronic source]. – Access mode: http://ru.wikipedia.org/wiki/Comment_on_New_gTLDs_and_Human_Rights,_Non-Commercial_Users_Constituency,_ICANN,_13.08.2012.
29. Comment on New gTLDs and Human Rights, Non-Commercial Users Constituency, ICANN, 13.08.2012.